

ЛОВЕЦ ДУШ

НЕВИДИМЫЙ
ДРУГ

ЭЛЛЕН ОХ

Ловец душ

Эллен Ох

Невидимый друг

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ох Э.

Невидимый друг / Э. Ох — «Эксмо», 2017 — (Ловец душ)

ISBN 978-5-04-169323-7

Переезжая с семьёй в новый (но о-о-очень старый) дом, Харпер была совсем не рада, но и представить не могла, какой ужас их там ждёт! Похоже, эта развалина таит много старых секретов, от которых мурашки пробегают по коже. А уж когда младший брат Харпер Майкл начинает рассказывать о воображаемом друге, а затем с каждым днём ведёт себя всё более странно и жестоко, девочка понимает: она должна во что бы то ни стало разобраться, что не так со старым поместьем, и помочь брату. Может, именно в прошлом лежит ключ к спасению Майкла? Да и самой Харпер тоже...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-169323-7

© Ох Э., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эллен Ох

Невидимый друг

Моему отцу, непревзойдённому рассказчику. Я очень скучаю по твоим историям

Глава 1

Новый друг

День 1. Понедельник, утро

– ХАРПЕР! ХАРПЕР!

Харпер Рейн как раз распаковывала книги, когда в дверях появился её четырёхлетний брат Майкл. Тот никак не мог устоять на месте, забавно прыгая то на одной ноге, то на другой. Девочка стёрла со лба капельки пота, достала из коробки какой-то справочник в бумажном переплёте и принялась обмахиваться им, словно веером.

– Опять забыл, где уборная, дружище? – улыбнулась она, расставляя очередную партию книг по полкам. – Она в противоположном конце коридора.

– Нет! Я не хочу в туалет! Я хочу, чтобы ты пришла ко мне в комнату. Скорей! – Мальчик подбежал к сестре и потянул её за руку, стараясь сдвинуть с места.

Но Харпер всё никак не поддавалась. Она наклонилась к брату и облокотилась на его плечи, изображая крайнюю степень изнеможения.

– Этот переезд лишил меня последних сил! – театрально воскликнула она. – Может, ты меня дотащишь?

– Ладно, – охотно согласился Майкл и засеменил маленькими ножками по деревянному полу. Он громко кричал, но, несмотря на все старания, так и не смог подвинуть сестру.

Она с трудом подавила улыбку и наконец выпрямилась.

– Спасибо! Ты очень мне помог. Я прямо чувствую прилив энергии!

Мальчик просиял и вновь потянул её за руку:

– Идём!

Они вместе вышли в коридор, где оказалось ещё жарче, чем в комнате Харпер, и та сморщилась, в миллионный раз проклиная их новый дом. Точнее, сам дом был очень даже старым, просто Рейны переехали в него совсем недавно. И теперь стало совершенно очевидно, почему никто не жил здесь в течение последних двадцати лет. Не здание, а сплошная катастрофа! Родители купили его из-за «готического очарования», когда решили переехать в Вашингтон. Увы, даже после года ремонта данное место всё ещё мало подходило для полноценной жизни. Но всё же эти безумцы перевезли сюда из Нью-Йорка всю семью, да ещё и в самый разгар лета!

Вот только Майкл, казалось, не обращал никакого внимания на жару. Поторапливая сестру, он тащил её к просторной светлой комнате с тремя большими окнами, выходящими на фасадную сторону дома. Его спальню обставили первой, так что из всех помещений лишь в ней не теснились ряды коробок. Родители навели здесь идеальный порядок и с умом продумали каждую деталь. К огромному сожалению Харпер, её комната не удостоилась такого же внимания. Видимо, мама с папой решили, что двенадцатилетняя девочка вполне может и сама распаковать свои пожитки. Но это монотонное занятие буквально сводило её с ума. Если она и ненавидела что-то сильнее, чем распаковывать вещи, так это упаковывать их.

Оказавшись в спальне брата, Харпер озадаченно опустила на его кровать. В комнате стоял неестественный холод.

– Ты хотел мне что-то показать? – спросила она так беззаботно, как только могла. И всё же по её спине пробежали мурашки.

– Да. Моего нового друга Билли, – ответил мальчик, указывая куда-то в угол, где стоял сундук с игрушками.

Харпер уставилась в пустоту и вздрогнула от неожиданности. Воздух над сундуком странным образом исказился и стал мутным, как туман, но лишь на одно мгновение. Она вопросительно взглянула на брата.

– Ты что, не видишь его? – с грустью догадался тот.

Он несколько секунд молча смотрел в сторону сундука, а затем понимающе кивнул:

– Билли говорит, нужно быть особенным, чтобы его увидеть. Наверное, ты не особенная.

Эти слова всколыхнули в памяти Харпер давно забытое воспоминание. Лет в пять она пыталась представить собственную лучшую подругу своей старшей сестре Келли. «Ты опять выдумываешь небылицы! Я всё маме расскажу!» – угрожала та. А малышка со слезами на глазах кричала: «Но я не выдумываю! Она здесь, перед тобой! Ты что, правда её не видишь?»

У Харпер загудело в ушах. Правый висок неприятно пульсировал. У неё начиналась мигрень. Глубоко вздохнув, девочка заставила себя сосредоточиться и повернулась к брату. Но прежде, чем она успела сказать хоть слово, в дверь постучали и в комнату вошла их мать, Юна Рейн.

– Майкл, я ведь просила тебя не разбрасывать игрушки в коридоре, – строго произнесла она. – Кто-нибудь споткнётся и сломает себе шею!

Она грозно потрясла перед детьми красной пожарной машиной. По правде говоря, Харпер видела её впервые. Она бы уж точно запомнила такую красивую игрушку. Гладкий металлический корпус покрывала тёмно-красная краска, сплошь усыпанная паутинками трещин. На боку виднелась выцветшая золотистая надпись «Городская пожарная служба», а по обеим сторонам грузовика спускались аккуратные раздвижные лесенки. Там был даже специальный механизм с маленькой ручкой и шкивом, чтобы поднимать их и опускать. А возле водительского окошка свисал крохотный медный колокольчик. Машинка выглядела как настоящий антиквариат.

– Ма, но я ничего не... – Майкл осёкся, разглядывая игрушку. – А, наверное, это всё Билли!

– Кто такой Билли?

– Мой друг! – радостно отозвался мальчик. – Он тоже живёт в этом доме.

Красивое лицо Юны исказилось от недоумения и тревоги. У Харпер появилось недоброе предчувствие. Она вскочила на ноги и звонко рассмеялась.

– Это такая игра, – объяснила девочка. – Мы просто придумываем истории о людях, которые жили в этом доме до нас. Ведь правда, Майкл?

Она повернулась спиной к матери и, бросив на брата многозначительный взгляд, прижала палец к губам.

– Харпер, ты такая смешная! – улыбнулся тот.

Сестра повалила его на кровать и принялась щекотать. Комната наполнилась звонким детским смехом, и лицо матери тут же смягчилось.

– Рада, что вам весело. Но, Майкл, в следующий раз будь, пожалуйста, повнимательнее. – Она поставила пожарную машину на тумбочку и вышла из спальни сына.

Вздохнув с облегчением, Харпер повалилась на спину. А её брат, воспользовавшись моментом, забрался на неё сверху, как огромный кот.

– Почему ты не дала мне рассказать маме про Билли? – с любопытством спросил он.

Девочка вспомнила искажённое тревогой лицо матери, и внутри у неё всё сжалось от нарастающего волнения.

– Мама не одобряет того, чего не понимает, – уклончиво ответила она.

– Значит, она тоже не может видеть Билли?

– Верно, – кивнула Харпер. Уловив боковым зрением какое-то движение, она в замешательстве оглядела комнату. Пусто. Пульсирующая боль в висках становилась всё сильнее.

– Хорошо, что хотя бы я могу его видеть, – радостно заключил Майкл. Он спрыгнул с кровати, достал коробку с конструктором лего и высыпал её содержимое на ковёр. – Билли, иди сюда! Давай поиграем!

Девочка уже выходила из комнаты, когда её брат снова заговорил:

– Эй, Харпер! Билли говорит, что нам нельзя ходить на чердак.

– Неужели? И почему же?

Майкл пожал плечами:

– Не знаю. Он просто не хочет, чтобы мы туда ходили.

– Обещаю, я туда не пойду, – заверила его сестра. – Родители тоже вряд ли доберутся до чердака в ближайшее время. Они слишком заняты ремонтом центрального кондиционера и тысячи других вещей, которые сломаны в этом дурацком доме.

Система центрального кондиционирования доставляла Рейнам больше всего проблем. Они пробыли в Вашингтоне только два дня, но жара и влажность уже успели подпортить им впечатление от переезда. Порой находиться в доме становилось просто невыносимо, и от этого странный холод в комнате Майкла казался ещё более пугающим.

Оторвав взгляд от конструктора, мальчик с укором посмотрел на сестру.

– Билли не нравится, когда ты называешь его дом дурацким, – тихо произнёс он.

– Это не его дом. Это наш дом, – возразила та. – Как хочу, так его и называю.

– Нет, Харпер, это дом Билли. Он один из тех, кто жил здесь до нас.

По телу девочки снова пробежали мурашки. Казалось, в комнате стало ещё холоднее, и ей отчаянно захотелось поскорее отсюда уйти. Озираясь по сторонам, она нащупала дверную ручку и выскочила в коридор.

Когда Харпер вернулась в свою спальню, её всё ещё лихорадило. Жара, которая совсем недавно вызывала у неё раздражение, теперь дарила покой. Во всяком случае, в ней не было ничего пугающего и сверхъестественного. Но мигрень продолжала набирать обороты, и девочка достала из сумки маленькую таблетницу, которую мама наполняла для неё каждый день. Остальные лекарства хранились под замком в аптечке, спрятанной подальше от детей. Приняв ибупрофен, Харпер продолжила распаковывать вещи.

Расставляя книги, она наткнулась на небольшой фотоальбом. Мама подарила его девочке накануне их отъезда из Нью-Йорка. Тогда альбом не вызвал у неё особого интереса, но сейчас, усевшись на неубранную кровать, Харпер решила отвлечься от дел и посмотреть фотографии. Юна скрупулёзно подписала каждый снимок, указав год, когда тот был сделан, и возраст своей дочери. Она славилась подобной дотошностью, наверное, именно поэтому ей удалось сделать блестящую карьеру корпоративного юриста. В начале, как и полагается, шли детские фотографии. Девочка улыбнулась, глядя на двухлетнюю себя, поедающую свои первые в жизни спагетти. На следующем снимке ей уже было четыре. Скорчив страшную рожицу, она стояла рядом с сестрой возле скелета тираннозавра рекса в Музее естественной истории. А Келли со скучающим видом закатывала глаза. Рассматривая кусочки своего прошлого, Харпер никак не могла отделаться от странного ощущения, словно перед ней собранный пазл, в котором не хватает одной детали прямо в центре картинки.

Это неприятное ощущение часто преследовало девочку после несчастного случая, который разделил её жизнь на до и после. С тех пор она совершенно перестала себя узнавать. Казалось, она стала другим, незнакомым себе человеком. Переворачивая одну страницу за другой, Харпер старательно игнорировала головную боль, которая тем временем всё нарастала. И чем больше она размышляла об отсутствующей детали пазла, тем сильнее становилась её мигрень. Как ни печально, о том, что с ней случилось, она знала лишь со слов родителей. Всё, чем она располагала, – сухие факты, оставляющие после себя больше вопросов, чем ответов. Прошлой осенью школу девочки охватил пожар. После этого она попала в медицинское учреждение, где с ней произошло нечто страшное, но что именно, не знал никто, включая саму Харпер.

На последней фотографии в альбоме она лежала на больничной койке с загипсованными руками. Келли держала перед ней большой кремовый торт, а притаившийся рядом Майкл широко открыл рот, чтобы впитаться зубами в этот кулинарный шедевр. Написанная рядом дата оповещала, что на снимке запечатлён прошлогодний Хеллоуин. Именно так прошёл двенадцатый день рождения Харпер. И пусть на фото она широко улыбалась, в её глазах читался взгляд затравленного зверя.

Девочка рассеянно потёрла сперва одну руку, а затем другую. Полгода назад, когда с них наконец-то сняли гипс, врач предупредил её о возможных фантомных болях. Ничего подобного она не замечала, а вот ощущение скованности так и осталось. Время от времени ей казалось, будто руки до сих пор загипсованы.

Разглядывая своё больничное фото, Харпер поморщилась. Открытые переломы обеих рук, сломанные рёбра и ключица... И, что самое поразительное, ни одного, даже самого смутного воспоминания о случившемся! Девочка не сомневалась, произошло нечто настолько ужасное, что её разум подавил все воспоминания о деталях этих страшных событий. Так почему же теперь ей так сильно хотелось всё это вспомнить?..

Дурацкий дневник Харпер

Запись № 1

Я ненавижу:

1. Наш новый старый дом
2. Говорить о своих чувствах
3. Вашингтон, столицу США
4. Вести этот дурацкий дневник

Я бы никогда не стала здесь писать, если бы не мой психотерапевт. Она обещала, что это поможет мне вернуть воспоминания. Теперь, после переезда, я больше не смогу видеться с ней, а поиск нового врача займёт какое-то время. Так что она посоветовала мне вести дневник. Обожаю Джули. Если честно, не думаю, что я смогу найти здесь психотерапевта, который понравится мне так же сильно, как она. А раз так, как я смогу делиться с ним своими самыми сокровенными мыслями? Да и вообще мне не очень нравится терапия. Это прикольно только в кино. А в жизни это ужасно скучно.

Радует одно – этот дневник я веду только для себя, и больше никто его не увидит. А значит, я могу писать здесь цветными ручками и рисовать каракули где пожелаю. Уверена, Келли сказала бы, что это пустая трата времени. Она вообще не одобряет всё, что связано с бумагой. Ей кажется, что бумага устарела, ведь теперь для всего на свете есть интернет. Да она практически живёт в интернете! Был момент, когда она совсем сильно съехала по этой теме и целую неделю рассказывала всем подряд о том, что бумага мертва. И я не преувеличиваю – это реально длилось целую неделю! Она настолько меня этим довела, что я пошла в её ванную комнату и размотала всю туалетную бумагу, которая там была. А потом взяла её красную помаду и написала на зеркале: «Бумага мертва». Больше Келли меня не доставала. Но всё равно каждый раз, когда я записываю что-нибудь в блокнот, она бросает на меня неодобрительные взгляды.

Но мне плевать, что она думает. Я люблю бумагу. Мне нравится чувствовать, как ручка скользит по листку, нравится запах новых тетрадей и блокнотов. А ещё мне нравится, что этот дневник может вернуть мои воспоминания. Надеюсь, так и будет. Я готова на всё, лишь бы избавиться от этого ужасного чувства пустоты. Иногда меня охватывает жуткая паника, а ведь я даже не знаю почему! Ненавижу это! И всё, что мне остаётся, – писать в этом дурацком дневнике.

Глава 2

Старый дом

День 1. Понедельник, после обеда

ДЕНЬ УЖЕ КЛОНИЛСЯ К ВЕЧЕРУ, но жара и не думала отступать. Харпер лежала на полу в своей душной комнате и обмахивалась красивым веером с рисунком цветущей вишни. Мигрень прошла, но девочка всё ещё чувствовала себя слишком слабой, чтобы разбирать вещи, так что вокруг неё теснились десятки картонных коробок. С момента переезда она успела распаковать лишь свою одежду и несколько особо дорогих её сердцу мелочей. Плюшевый Тоторо занял почётное место на комоде рядом с фигурками персонажей из «Унесённых призраками». А перед ними на самом видном месте Харпер поставила чёрную лакированную шкатулку с перламутровой бабочкой на крышке, которую её бабушка привезла с собой из Кореи.

Чтобы хоть как-то облегчить свои страдания, девочка собрала густые тёмно-каштановые волосы в пучок. Но это не помогло, и горячие струйки пота продолжали стекать по её шее.

– Ненавижу это место, – проворчала она и замахала веером вдвое усерднее.

Теперь их старая квартира с исправным кондиционером казалась Харпер настоящей роскошью, как, впрочем, и сам Нью-Йорк. Конечно же, летом там тоже не обходилось без жары, но от неё всегда можно было укрыться в прохладном супермаркете или кафе. А в Вашингтоне дела обстояли совершенно иначе. Ближайший магазин находился километрах в четырёх от дома Рейнов, и девочка не решилась бы идти туда пешком под палящими лучами солнца. Она дошла до такого отчаяния, что даже подумывала попросить свою старшую сестру свозить её в торговый центр – та не так давно получила права и могла пользоваться машиной родителей. Но Келли едва ли предпочла бы такой досуг общению с друзьями в интернете. Оставалось лишь надеяться, что рано или поздно родители решат оторваться от своих дел и съездить за продуктами. Харпер закрыла глаза и погрузилась в охлаждающие мечты, представляя, как засовывает голову в морозилку, обнимает огромную ледяную скульптуру и облизывает яркий и сочный фруктовый лёд...

Очевидно, визуализация сработала: откуда-то снизу послышался голос Юны:

– Кто-нибудь хочет съездить со мной за мороженым?

Глаза девочки широко распахнулись. «Ух ты, да я настоящая волшебница», – усмехнулась она про себя.

– Харпер! Харпер! Скорее выходи! Мы едем за мороженым! – радостно визжал Майкл, прыгая вниз по ступеням.

Девочка отложила веер и поспешила вслед за братом. Проходя мимо комнаты Келли, она на миг остановилась. Из-за приоткрытой двери доносилось ритмичное жужжание вентилятора и веяло приятной прохладой.

– Эй! – возмущённо воскликнула Харпер. – Почему это у тебя есть вентилятор, а у меня нет? – Она уже собралась войти в спальню старшей сестры, но та успела выскользнуть в коридор и захлопнуть дверь прямо у неё перед носом и преградила собой проход.

– У меня есть вентилятор, потому что я готовлюсь к экзаменам, тупица, – огрызнулась Келли. – И не смей заходить в мою комнату. – Затем её тон сменился на более ласковый, и она крикнула: – Mam, можешь купить мне «Мокко Фраппучино»? – Получив утвердительный ответ, девушка вернулась в свою спальню и захлопнула дверь.

А её младшая сестра с протяжным вздохом поплелась вниз по лестнице.

– Ма, но ведь это несправедливо! В вашей спальне висит потолочный вентилятор. В комнате Майкла холодно и так. Выходит, я единственная из всей семьи должна страдать от жары? – хныкала она. – Я тоже хочу свой собственный вентилятор, как у Келли!

– Бедная Харпер, – сочувствующе произнёс её брат. – Можешь спать вместе со мной, если хочешь.

– Ни за что, – рассмеялась та, взъерошив ему волосы. – Ты всё время брыкаешься во сне. К утру я превращусь в один большой синяк. – Девочка решила не уточнять, что странная прохлада в спальне Майкла пугает её до чёртиков.

Миссис Рейн ничего не ответила на нытьё младшей дочери. Она стояла в прихожей и прихорашивалась перед большим зеркалом в изысканной золочёной раме. Рядом со своей миниатюрной грациозной матерью Харпер всегда чувствовала себя цирковым слоном. И тот факт, что Келли выросла настоящим клоном Юны, лишь усугублял ситуацию. В свои двенадцать лет Харпер уже успела перерасти мать и старшую сестру на целых десять сантиметров. Мельком взглянув на своё отражение, она в очередной раз убедилась, что не унаследовала их красоты. Ей не достались ни изящность черт, ни миниатюрность. Её лицо вместо идеального овала напоминало круглую тарелку, вместо шелковистой глади тёмных волос во все стороны торчали кудряшки, а щёки покрывала россыпь ненавистных веснушек. От Юны девочке достались лишь узкие миндалевидные глаза, но они смотрелись совершенно иначе без материнских длинных и густых ресниц. Когда она улыбалась, её порой называли милой, в то время как миссис Рейн и её старшую дочь все считали настоящими красотками. Но Харпер старалась из-за этого не переживать.

А вот что по-настоящему её волновало, так это странный холодок на затылке и неприятное ощущение, будто кто-то смотрит на неё в упор. Вздвогнув, девочка обернулась, но не заметила ничего необычного. Она попятилась к зеркалу и положила руку на его богато украшенную раму. Старинная семейная ценность странным образом помогла Харпер успокоиться. В этом пугающем доме зеркало дарило ощущение чего-то знакомого и родного. Когда-то оно точно так же висело в прихожей их нью-йоркской квартиры. Это был маленький кусочек стабильности в большом изменчивом мире.

Убедившись, что её внешний вид идеален, Юна вышла из дома в сопровождении сына и младшей дочери. Они уже садились в серебристый минивэн, припаркованный на подъездной дорожке, когда Харпер снова принялась канючить:

– Мам, ты вообще слушаешь, что я говорю? Мне тоже нужен вентилятор!

– Милая, мне очень жаль, но ещё один электроприбор наш дом просто не выдержит. Если мы поставим у тебя вентилятор, нам выбьет пробки, – спокойно ответила миссис Рейн. – Потерпи всего денёк, ладно? Электрик и ремонтники кондиционеров придут уже завтра. А когда всё заработает, тебе не понадобится личный вентилятор. – Она проигнорировала недовольный взгляд девочки и усадила Майкла в детское кресло. – Если сегодня ночью будет совсем уж душно, можешь поспать на диване внизу. Думаю, в гостиной будет немного прохладней.

– Ну прекрасно! Ещё одна ужасная потная ночь, – возмущалась Харпер, помогая брату пристегнуться. – Ненавижу этот дом.

Мальчик сочувствующе похлопал её по руке.

– Здесь не так уж и плохо, – сказал он. – И места полно!

Этот старинный особняк действительно казался необъятным по сравнению с трёхкомнатной квартирой Рейнов на Манхэттене, и сёстрам больше не приходилось делить одну спальню на двоих. Но всё же Вашингтон сильно проигрывал в сравнении с Нью-Йорком, начиная с неудобного метрополитена и заканчивая слишком уж дружелюбными людьми, которые здороваются со всеми подряд, да ещё и ждут после этого, что вы вступите с ними в учтивую беседу. Ну разве это не странно?

Нет, Харпер определённо не нравился Вашингтон. Единственным плюсом этого города было соседство с бабушкой по материнской линии, которую она не видела ни разу с семи лет. Они созванивались в дни рождения, на Рождество и на Новый год, а ещё время от времени обменивались письмами, но для девочки этого было недостаточно. К тому же бабушка Ли не очень любила болтать по телефону, и все их разговоры сводились к краткому обмену поздравлениями. Зато она всегда присылала чудесные открытки и приятные маленькие подарочки.

– А когда мы уже увидимся с бабушкой? – поинтересовалась девочка, как только их машина наконец отъехала от дома.

Она прекрасно видела через зеркало заднего вида, как мать недовольно поджала губы, прежде чем ответить:

– Не знаю. Сейчас у нас полно других дел.

– Вы про бабулю? Я так хочу увидеть бабулю! – взволнованно воскликнул Майкл. – Я ни разу её не видел. Только по телефону говорил...

– Увидишь. Но не сейчас, – отрезала Юна.

Харпер недоверчиво нахмурилась. Вчера вечером она случайно подслушала, как её папа убеждал свою жену помириться с бабушкой Ли, раз уж теперь они живут в одном городе.

– Ну ты хотя бы сообщила ей, что мы уже здесь? – настойчиво поинтересовалась девочка.

– Ты угомонишься или нет? – огрызнулась миссис Рейн. – Тема закрыта.

В машине повисла напряжённая тишина. Харпер повернулась к брату, который надул губки и, казалось, с минуты на минуту готов был расплакаться.

– Ма... Бабуля что, не хочет меня видеть? – дрожащим голосом спросил малыш.

Юна провела рукой по гладким тёмным волосам, изо всех сил стараясь взять себя в руки.

– Ну конечно же, хочет, родной, – ласково возразила она. – Бабушка Ли очень тебя любит. Просто у нас с ней не самые простые отношения. Понимаешь, мы ни в чём не можем друг с другом согласиться...

Майкл уже открыл было рот, чтобы засыпать маму вопросами, но Харпер вовремя поймала его взгляд и отрицательно покачала головой. Этот разговор явно расстраивал маму, и девочка не хотела, чтобы её брату досталось за его любопытство. Мальчик понимающе кивнул и молча отвернулся к окну.

А сама Харпер задумалась, гадая, что же послужило причиной ссоры между мамой и бабушкой. Она прекрасно помнила то время, когда они виделись по крайней мере раз в месяц. Забавная и добрая бабушка Ли приезжала к ним в гости, ходила на корейский рынок за всевозможными угощениями и готовила вкуснейшие блюда национальной кухни. Что же должно было случиться, чтобы она не приехала больше ни разу за целых пять лет? Девочка вздохнула, вспоминая улыбчивую пожилую женщину с лучиками морщинок в уголках глаз. С их последней встречи прошла целая вечность, но она до сих пор помнила, что от бабули всегда сладко пахло апельсинами.

Сперва родители врали, что бабушка Ли перестала приезжать, потому что ей сложно так часто путешествовать. Но когда та пропустила второе Рождество подряд, Харпер догадалась, что на это есть куда более серьёзная причина. Она поделилась своими мыслями с Келли. «Это всё из-за тебя, – ответила та. – Вечно ты всё портишь».

Слова сестры настолько задела девочку, что она больше никогда не осмеливалась поднимать эту тему. Ни с кем, даже с бабушкой. Во всяком случае, до сегодняшнего дня.

Когда их минивэн въехал на стоянку местного супермаркета, Харпер разочарованно вздохнула.

– Ну что ещё? – с раздражением спросила миссис Рейн.

– Ничего, – тихо ответила девочка. Она надеялась, что мама привезёт их в какой-нибудь торговый центр, где можно побродить по прохладным галереям и поглазеть на людей. Именно

так Харпер коротала своё время в Нью-Йорке. Ей нравилось следить за незнакомцами, гадая, чем они занимаются и как живут.

В любом случае даже небольшой супермаркет оказался приятным разнообразием после душного старого дома. Девочка медленно прохаживалась между рядами, размышляя о чём-то своём, когда в неё чуть было не врезалась пожилая леди с огромной лошадиной челюстью. Под её тонкой полупрозрачной кожей виднелись сосуды, а медные волосы прекрасно гармонировали с жёлтыми зубами. Они молча уставились друг на друга.

– На что пялишься? – проворчала старушка. – Какая ты невоспитанная!

От растерянности Харпер не нашлась что ответить.

– Что такое? Не говоришь по-английски?

– Ну конечно же, говорю, – выпалила девочка.

– И откуда ты?

– Из Нью-Йорка...

– Нет, нет, я не об этом. Откуда родом твои родители? – не унималась пожилая дама.

Рейны всегда учили своих детей уважать старших, но сейчас это с трудом давалось их дочери. Она точно знала, что старушка пытается выведать, откуда приехала её семья. Ей уже не раз приходилось слышать подобные вопросы, и они очень расстраивали Харпер, заставляя её чувствовать себя чужой в своей родной стране.

– Раз уж вам так хочется знать, мой отец родился в Нью-Йорке, в Куинсе, а моя мать – в Мэриленде, – парировала она.

– Значит, тебя удочерили?

– Нет. Я родилась в США, точно так же, как и мои родители. Мы все американцы.

– С таким-то лицом? Это вряд ли, – проскрипела старуха.

Харпер почувствовала себя так, словно ей дали пощёчину. Её переполняла ярость. Но прежде, чем девочка успела накричать на незнакомку и обозвать её расисткой, рядом появилась Юна за руку с Майклом.

– Случилось что-то неприятное? – спокойно спросила она, положив руку на плечо дочери.

– А... Теперь мне всё ясно. Вы китайцы! – заключила пожилая дама. – Вам, китайцам, следовало бы учить своих детей хорошим манерам. Здесь, в нашей стране, не принято пялиться на незнакомых людей. Это невежливо.

– Я не китаянка, – мягко ответила миссис Рейн. – Вообще-то я кореянка, и мне очень жаль, если моя дочь чем-то вас обидела. Она прекрасно воспитана и никогда не будет вести себя грубо. – Юна бросила на старушку пронзительный взгляд. – Во всяком случае, если её не спровоцировать.

– На что это вы намекаете?

– Хорошего дня. – Женщина не стала вступать в дальнейшие перепалки с этой неприятной особой и поспешила увести детей в другой ряд. Там она повернулась к дочери и ласково произнесла: – Милая, ты в порядке?

– Обычно пожилые люди такие дружелюбные... – грустно ответила Харпер. – Я ещё никогда не встречала расистов такого возраста.

Лицо мамы стало печальным.

– Увы, расизм не зависит от возраста, пола и даже от цвета кожи, – понимающе сказала она. – Не позволяй этим ужасным людям причинять тебе боль. Так ты даёшь им власть над собой. А они этого не заслуживают.

– Она сказала, что я не могу быть американкой с таким-то лицом...

– Она просто завидует твоей юности и красоте. – Миссис Рейн легонько ущипнула дочь за щёку и чмокнула её в нос.

– Да, Харпер, ты ведь очень красивая! – со знанием дела подтвердил её брат. – Не то что эта противная старуха.

– Майкл! – с упрёком воскликнула Юна. – Так говорить нельзя. Ты ведь знаешь, что это нехорошо.

– Но ведь та старуха первая вела себя нехорошо. Она обидела Харпер! – упрямо возразил малыш, скрестив руки на груди. – А ещё у неё жёлтые зубы и воняет изо рта.

– Майкл! – повторила женщина ещё более строго. Но её дочь заметила, как та прикусила уголки губ, чтобы не рассмеяться.

Девочка и сама с трудом сдерживала улыбку, слушая серьёзные рассуждения своего младшего брата. Её гнев и печаль тут же отступили. А ещё через пару минут она и вовсе забыла о вредной старушке. Затарившись продуктами, Рейны отправились домой.

Стоило им войти в особняк, как Майкл вытащил из пакета мороженое и тут же помчался в свою комнату. Харпер развернула яркую упаковку фруктового льда и, наслаждаясь его охлаждающей сладостью, последовала за мальчиком. Из приоткрытой двери его спальни доносились обрывки разговора, похоже, ребёнок болтал с воображаемым другом. Его сестра, затаив дыхание, прислушалась.

– Прости, что не принёс тебе мороженое. Но мы можем съесть моё пополам, договорились?

Послышался тихий глухой звук, который сменился испуганным писком Майкла:

– Ну зачем ты так?

Девочка встревоженно вбежала в комнату. Её брат, едва сдерживая слёзы, собирал с пола кусочки фруктового льда. По новому ковру растекалось синеватое пятно растаявшего виноградного сока.

– Что случилось? – спросила Харпер. Схватив с комода коробку салфеток, она бросилась помогать малышу с уборкой.

– Билли очень разозлился... Ему не понравилось, что я принёс мороженое только себе, – шмыгая носом, объяснил Майкл. – Поэтому он бросил мой фруктовый лёд на пол. Сказал, раз так, мы оба ничего не получим.

Харпер незаметно ухмыльнулась. Мальчик выбрал прекрасное объяснение собственной неуклюжести. Но всё же он казался таким расстроенным, что девочка решила ему подыграть:

– По-моему, твой новый друг поступил просто ужасно! – возмутилась она. – Знаешь что, давай спустимся вниз и съедим ещё по одному мороженому прямо на веранде?

Майкл печально покачал головой:

– Что-то мне не хочется. Я должен остаться здесь и поиграть с Билли.

Что-то в его словах показалось Харпер смутно знакомым. По её спине и рукам снова пробежали мурашки. Наклонившись, она сгребла малыша в охапку и вынесла в душный коридор.

– Ну уж нет! – хихикая, кричала девочка. – Я хочу ещё одно мороженое, но не есть же мне его в гордом одиночестве! Ты будешь моим прикрытием!

Майкл звонко рассмеялся, вывернулся из рук сестры и, перепрыгивая через ступени, помчался вниз по лестнице.

– Кто последний, тот дурак! – кричал он. – Не догонишь! Не догонишь!

Девочка с улыбкой бросилась за ним, как вдруг дверь в комнату Майкла с оглушительным грохотом захлопнулась.

– Наверное, это всё сквозняк, – шёпотом успокоила себя Харпер. – Дурацкий старый дом. И она спустилась в холл, стараясь не оглядываться назад на пугающий тёмный коридор.

Дурацкий дневник Харпер

Запись № 2

Я ненавижу:

1. То, как жарко и душно летом в Вашингтоне
2. Магазины, которые слишком далеко, чтобы идти туда пешком
3. Этот старый жуткий дом, где к тому же время от времени воняет
4. Свои ночные кошмары

С тех пор как я сюда переехала, меня преследуют страшные сны. Они такие яркие и реалистичные, что мне кажется, будто всё это происходит со мной наяву. Но ведь это не так?..

Иногда мои кошмары даже не похожи на сны. Я будто бы просто сижу в своей комнате, а потом меня окутывает мрак. Это похоже на фильм ужасов. Там бывают такие глупые сцены, когда звучит тревожная музыка, и герой идёт прямо навстречу опасности. Совершенно ясно, что скоро он умрёт. Но он не убегает, как сделал бы любой разумный человек. Он просто продолжает идти. А потом, когда пути назад уже нет, на его лице вдруг появляется гримаса ужаса. Наверное, именно в этот момент он понимает, как глупо поступил. Ненавижу такие фильмы.

Факт: в жизни люди убегают, когда чувствуют опасность. Но в своих кошмарах я иду прямо навстречу чему-то ужасному. И как бы я ни старалась, я не могу заставить себя остановиться. Но и дойти до конца я тоже не могу. Я просто теряюсь в вязкой пугающей темноте и... Просыпаюсь. Иногда мне кажется, что, если я смогу подольше продержаться во сне, мне наконец-то удастся вспомнить, что же случилось со мной в Брайерли. И тогда мне больше не придётся вести этот дурацкий дневник. Ты уж не обижайся на меня за это, дневничок.

Копаться в своих воспоминаниях – всё равно что плавать в желе. Это тяжело и совершенно бессмысленно. Я уже и сама не знаю, что произошло на самом деле, а что – просто плод моего воображения. Остаётся лишь опираться на факты.

Факт: в моей школе случился пожар.

Факт: меня отправили в Брайерли, нью-йоркский институт психического здоровья детей.

Факт: там со мной произошло что-то ужасное, в результате чего меня отправили в госпиталь с переломами обеих рук, нескольких рёбер и ключицы.

Предположение – я поранилась сама.

Я помню, как ко мне в палату приходила полиция. Мне задавали кучу вопросов, на которые у меня не было ответа. Один из копов рассказал мне по секрету, что администрация Брайерли утверждает, будто они тут ни при чём и я сама причинила себе весь этот вред, но он в это не верит. Врачи из неотложки пришли к выводу, что мои травмы «... могли быть получены только в результате падения с большой высоты или сильного удара иного происхождения». Что бы это всё ни значило... И вот что ещё кажется мне странным. В ту самую ночь все камеры наблюдения на территории института разом вышли из строя. Полиции не удалось найти ни одного видео без помех. Выходит, то, что тогда случилось, так и останется тайной. Во всяком случае, пока мой мозг не разблокирует воспоминания.

Врачи называют это диссоциативной амнезией. Я пережила какое-то событие, которое настолько сильно травмировало меня как с физической, так и с душевной стороны, что мой мозг не смог всё это проработать и решил просто обо всём забыть.

Родители подали на Брайерли в суд. Но администрация не захотела шумихи и выплатила нам огромную кучу денег в качестве компенсации ущерба. Мама с папой сделали для меня

какую-то штуку под названием «траст» и положили туда всю сумму. Они говорят, этого мне должно хватить на всю оставшуюся жизнь.

Но, если честно, я бы предпочла, чтобы ко мне просто вернулась память.

Глава 3

Соседка

День 2. Вторник, после обеда

В СТАРИННОМ ОСОБНЯКЕ царил настоящий хаос. Мистер и миссис Рейн носились по дому, разрываясь между электриком, сантехником и ремонтником кондиционеров, которые одновременно работали каждый над своей задачей, и при этом, разумеется, ужасно друг другу мешали. И если мама Харпер всегда пребывала в состоянии нервного напряжения, то сегодня даже и вечно спокойный отец начал выходить из себя. Майкл и Келли прятались в своих комнатах, а Харпер решила, что точно сойдёт с ума, если сейчас же не сбежит подальше от этого места.

Её не пугала даже стоящая на улице жара. Девочка незаметно пробралась в гараж и направилась к своему велосипеду. Давненько она на нём не каталась! Смахнув со шлема строительную пыль, Харпер уже собиралась отправиться в путь, как вдруг внезапный шум за спиной заставил её подпрыгнуть на месте. В этом дурацком старом доме её пугал любой шорох.

– Так-так, кажется, кого-то застукали за попыткой к бегству, – прогремел приятный мужской бас. Девочка со смехом обернулась. Её отец, Питер, с лучезарной улыбкой стоял у задней двери гаража. При своём росте под два метра он был единственным членом семьи, рядом с которым она всё ещё чувствовала себя маленькой. – Боюсь, мне придётся доложить об этом начальнику тюрьмы.

– Я решила немного прокатиться. Посмотреть новый район, – ответила Харпер. – Пап, я реально не могу больше распаковывать вещи.

Внезапно она снова ощутила на затылке неприятный холодок и вздрогнула от охватившей её тревоги. Приглаживая волосы, она поймала обеспокоенный взгляд отца.

– Милая, с тобой всё в порядке? – заботливо поинтересовался он. – Как ты себя чувствуешь?

Девочка заставила себя улыбнуться. Она знала, что папа беспокоится о её здоровье из-за прошлогодних травм.

– Всё в порядке! Мне просто надо проветриться...

Папа, казалось, собирался спросить что-то ещё, но его окликнул один из рабочих.

– Ты знаешь правила, – произнёс он, направляясь к задней двери. – Надень шлем, будь осторожна, держи включённым свой мобильный, не отъезжай слишком далеко от дома и возвращайся не позднее чем через два часа. Договорились? – отец проницательно заглянул в глаза Харпер.

Та кивнула и поспешила удалиться. Она точно знала, что, если задержится, появится мама и попыбует её остановить. После несчастного случая родители стали слишком уж сильно её опекать. Её психотерапевт не раз напоминала им, что в процессе исцеления важную роль играет полное возвращение к нормальной жизни. Но всё же миссис Рейн была готова навечно запереть дочку дома, лишь бы знать, что она в безопасности.

На безоблачном небе сиял огромный диск солнца. Харпер полной грудью вдыхала раскалённый воздух, впервые со дня переезда её не раздражала жара. Отправляясь осматривать окрестности, она почувствовала себя по-настоящему счастливой и свободной. Сперва девочка хотела попробовать отыскать бабушкин дом, но она не знала адреса и с трудом могла вспомнить, как он выглядит. К тому же она не сомневалась, что мама убьёт её за такую авантюру.

Осматривая ближайшие улочки, Харпер наткнулась на небольшой парк. То ли он не пользовался особой популярностью, то ли все жители округа засели дома у своих кондиционеров, но среди потускневшей зелени прогуливались лишь молодая мамочка с детьми и юноша с собакой. Девочка не заметила поблизости никого своего возраста и вернулась на улицу. Она слышала, что где-то неподалёку находится библиотека, и решила её отыскать. Выбрав наугад одну из уходящих вниз улочек, она разогналась и подставила лицо прохладным потокам воздуха. Как назло, именно в этот момент дорогу ей преградила маленькая, но очень агрессивная белая собачка. Завизжали тормоза, и девочка лишь чудом успела остановиться перед этим крошечным истошно лающим монстром.

– Плохая Тыковка! Фу! – Невысокая темнокожая девочка с кучей афрокосичек подхватила на руки извивающуюся собачонку и улыбнулась Харпер. – Прости, она просто ненавидит велосипеды... Уж не знаю почему.

– Её что, правда зовут Тыковка? – недоверчиво спросила та.

Её собеседница закатила глаза.

– Знаю, довольно странное имя. Это собака моей бабушки. Если бы выбирала я, её бы звали Шилопопая или Мисс Неадекват. Думаю, эти клички лучше бы ей подошли.

– Видимо, она не особо тебе нравится, – рассмеялась Харпер, глядя, как её новая знакомая пытается прицепить поводок к ошейнику визгливой псины. – Давай я тебе помогу.

Когда совместными усилиями девочки наконец пристегнули карабин, собаку опустили на землю, и она тут же принялась носиться по кругу, запутывая вокруг них свой выдвижной поводок.

– Не то чтобы она мне не нравилась... – задумчиво протянула обладательница великолепных косичек. – Просто это самая невоспитанная собака в мире. Одно дело поиграть с ней пару часов, но я ненавижу, когда мне приходится о ней заботиться. Моя бабушка отправилась в десятидневный круиз, а свою драгоценную Тыковку сбагрила мне. – Она с интересом всматривалась в лицо собеседницы. – Кстати, я Дайо Клейтон. Почему я раньше не видела тебя здесь?

– Харпер Рейн, рада познакомиться, – представилась она. – Мы только сюда переехали.

– И откуда ты?

Как и всегда, от этого вопроса Харпер почувствовала себя неуютно.

– Из Нью-Йорка, – ответила она, гадая, не повлечёт ли это дальнейших расспросов о родине её предков.

– Вау, как круто! Я мечтаю жить там, когда вырасту, – призналась Дайо, и от её дружелюбного тона девочке тут же полегчало. – А в какую школу ты будешь ходить? И в какой класс?

– В седьмой... А насчёт школы я ещё не знаю.

– Ну, здесь не так-то много вариантов. Если родители не отправят тебя в частную, будем вместе ходить в среднюю школу Литтл-Ридж.

– Раньше я училась в государственной школе... Думаю, здесь будет так же.

Дайо просияла и принялась болтать о своей школе и обо всех, кто её посещает.

Внимательно слушая её рассказ, Харпер всё больше проникалась симпатией к новой знакомой. На её щеках и носу тоже пестрела россыпь веснушек, но они казались девочке очень милыми, в отличие от собственных. А ещё каждый раз, когда Дайо улыбалась, открывалась очаровательная щербинка между её передними зубами. Впервые с момента переезда Харпер почувствовала, что её жизнь начинает налаживаться. Болтая обо всём на свете, подружки обошли квартал. Они следовали за Тыковкой, которая явно считала себя их предводителем. Но полчаса спустя силы оставили её крохотные ножки, и она обессиленно плюхнулась на тротуар.

– Кажется, пора отнести Мисс Неадекват домой, – нехотя заключила Дайо. – Я живу за углом, на Давенпорт-стрит. А ты?

– А мы переехали в самый древний дом во всей округе. Ну знаешь, тот, который выглядит так, как будто его давным-давно пора было снести.

– Так это вы въехали в особняк Грейди? – выпалила девочка с косичками. Её тёплые карие глаза при этом расширились от удивления. В голосе слышалась странная смесь восхищения и страха. – А мы всё гадали, кто же его купил. Скажи, там правда так... странно, как говорят?

– Странно? В каком это смысле?

– Ну... – нахмурилась Дайо. – В потустороннем... Просто, знаешь, этот дом так долго пустовал. Про него ходит много всяких легенд. Говорят, люди не могут долго в нём жить, потому что его хозяин, мистер Грейди, заключил с дьяволом контракт о вечной жизни. Но в какой-то момент он просто исчез, и его больше никто не видел. С тех пор в особняке творится всякая чертовщина. Я слышала, что там даже умирали дети...

– Дети? И как это случилось?

– Не знаю. Но там явно произошло что-то очень плохое...

Волосы на затылке Харпер встали дыбом, и ей потребовалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы заставить себя рассмеяться.

– Да брось, это какой-то бред, – весело сказала она. – Просто глупые байки, чтобы мародёры держались подальше от дома, пока его не купят.

– Что ж, это сработало! Никто и близко не подходит к особняку Грейди.

– Теперь это особняк Рейнов, – улыбнулась девочка с велосипедом. – И пора бы уже развеять эти мифы. Приходи ко мне в гости, и сама убедишься, что единственное действующее там проклятие – это сломанный кондиционер.

Дайо выглядела растерянной, словно она очень хотела согласиться, но боялась сказать «да».

– Мне надо отпроситься у мамы, – наконец ответила она. – Завтра я не могу, мне придётся ехать к тёте. Каждую вторую среду месяца я нянчусь с её маленьким сыном Джорджем, пока она ходит на встречи писательского клуба. Моя тётя мечтает написать роман... Но насколько я понимаю, они ничего там не пишут, а только пьют и едят. И всё же это длится целую вечность, так что мама привозит меня туда в обед и забирает перед ужином. Хорошо, что мне хотя бы за это платят. Но других планов на неделю у меня пока нет. Могу заглянуть к тебе в четверг, если это будет удобно...

– Мне всегда удобно, так что заходи в любое время. Я всё равно только и делаю, что распаковываю вещи. – Харпер скорчила недовольную гримасу. – Это ужасно скучно. Да ещё и в комнате такая духота...

– Если хочешь охладиться, пошли ко мне, – предложила её новая подруга. – Поможешь мне воспитывать Тыковку. К тому же моя мама – повар. Она занимается кейтерингом и готовит лучшее в мире печенье.

Девочки свернули за угол и направились к симпатичному белому домику с ярко-жёлтой дверью и голубыми ставнями. В прихожей их встретила жизнерадостная женщина с пышными тёмными волосами, повязанными цветастым шёлковым шарфом. На её лице красовались такие же веснушки, как и у дочери.

– Ты первая подруга Дайо, которую не нужно просить разуваться, – заметила миссис Клейтон с одобрительной улыбкой, когда Харпер оставила свои кроссовки на коврике у входа.

– Моя мама – кореянка. Она не разрешает ходить по дому в уличной обуви, – с улыбкой ответила девочка. – Тем более что раньше мы жили в Нью Йорке, а там улицы гораздо грязнее, чем здесь.

Яркий красочный дом Клейтонов благоухал самыми восхитительными ароматами в мире. Запах сладкого печенья вырывался из пышущей жаром духовки и переплетался с невероятной композицией из кастрюли с сочным мясным рагу. У Харпер потекли слюнки, она закрыла глаза и с наслаждением вдохнула прохладный аппетитно пахнущий воздух.

– Потрясающий запах! – восхищённо сказала она. – Простите, но я просто обязана спросить, что вы готовите.

– Это ямайское рагу из бычьих хвостов, любимое блюдо Дайо. – Похоже, с каждой минутой новая подруга дочери нравилась миссис Клейтон всё сильнее. – Я с радостью угощу тебя им, но придётся подождать. Оно должно потомиться ещё несколько часов. Но ты ведь останешься с нами на ужин?

– Ты просто обязана остаться. – Девочка радостно подпрыгнула на месте, отчего её многочисленные косички забавно взмыли в воздух. – Гарантирую, ты в жизни не пробовала ничего вкуснее, чем бычьи хвосты в мамином исполнении. Она подаёт их с рисом и зелёным горошком. Ты вообще когда-нибудь пробовала бычий хвост? Знаю, звучит не особо аппетитно... Но доверься мне, ты не пожалеешь!

– Я как-то ела традиционный корейский суп из бычьих хвостов, но он не пах так заманчиво, как это блюдо! Мне бы очень хотелось остаться, но я обещала вернуться домой к ужину.

– Тогда в следующий раз, – кивнула миссис Клейтон. – А пока почему бы вам не подкрепиться моим печеньем? Есть овсяное, клюквенное и моё фирменное с белым шоколадом.

Пьянящий аромат свежее испечённых сладостей смягчил разочарование Харпер от того факта, что она никак не могла остаться на ужин. Девочки уселись за кухонный стол и принялись уплетать ещё горячее печенье, запивая его холодным молоком.

– Миссис Клейтон, – произнесла Харпер со счастливой улыбкой. – Это лучшее печенье в моей жизни!

– Я же говорила! – гордо ответила её новая подруга. – Моя мама – самый крутой повар в мире!

– Тебе очень повезло... Мои родители не любят возиться у плиты. А если они и готовят, то что-то совсем простое, без изысков, – вздохнула гостья.

– Видишь, как здорово, что ты переехала в наш район. Теперь можешь есть с нами когда пожелаешь! – Слова Дайо прозвучали так искренне, что сердце девочки наполнилось теплом. Она чувствовала, что это начало настоящей дружбы.

Объевшись печенья, они отправились в гостиную с твёрдым намерением воспитать из Тыковки достойного представителя собачьего общества. Но та решительно игнорировала внучку своей хозяйки.

– Ты слишком ласково с ней говоришь, – вмешалась Харпер. – Тебе нужно проявить твёрдость. Покажи ей, кто тут главный.

Дайо снова приказала собаке сидеть, но та продолжила носиться по комнате, словно в неё вселился демон.

– Я сдаюсь, – простонала Дайо, всплеснув руками, и рухнула на диван. – Теперь ты попробуй.

Её подруга выпрямилась и уверенно подошла к Тыковке. Громким твёрдым голосом она велела собаке сидеть. И та села.

Дайо подняла на свою гостью полный восхищения взгляд:

– Как ты это сделала?

– Очень просто. Даже Тыковка достаточно умна, чтобы понять, что я главнее, чем она.

Дайо намотала на палец одну из своих косичек:

– Наверное, всё дело в росте. Ты высокая, а мы с бабушкой маленькие.

Харпер отрицательно замотала головой:

– Это здесь ни при чём. Давай, потренируйся на мне. Встань, выпрями спину и прикажи мне сесть.

Глаза Дайо округлились.

– Это не так уж и сложно. Просто прикажи мне, – настаивала её новая подруга. – Ты должна быть жёсткой, уверенной, но не злой.

Вскочив на ноги, девочка расправила плечи и отбросила назад свои многочисленные косички. Она сделала глубокий вдох и сильным голосом сказала:

– Сидеть!

Харпер послушно села. И Тыковка села вместе с ней.

– Видишь, всё получилось. Теперь попробуй другие команды.

Дайо раздавала приказы своим новым уверенным голосом, и – о чудо! – собачонка безропотно выполняла каждый из них.

– Это невероятно! – радостно воскликнула девочка. – Харпер, где ты этому научилась? У вас тоже есть собака?

– Я бы очень хотела, но нет. Мама не любит собак, а у папы на них аллергия. Правда, у моей бабушки есть йорк по имени Монти, – ответила та. – Он очень послушный. Представляешь, можно положить перед ним кусочек бекона, и он не тронет его, пока ему не разрешат!

– Вот это да... Как думаешь, получится научить этому Тыковку?

– Думаю, да. Ты, главное, продолжай в том же духе. Она очень умная. Во всяком случае, для собаки, которую зовут Тыковкой...

Девочки дружно рассмеялись.

– Знаешь, очень жаль, что у тебя нет собаки, – сказала Дайо, когда они наконец успокоились.

– Это ещё почему?

– Если в вашем доме действительно водится что-то потустороннее, собака поможет от этого избавиться, – усмехнулась девочка с косичками. – Хочешь, я одолжу тебе нашу Мисс Неадекват, и вы устроите охоту на призраков?

– Даже не знаю, кто бы сильнее испугался, увидев призрака, я или Тыковка, – с улыбкой протянула её подруга, и они снова так и покатались со смеху.

Но в душе Харпер было не до шуток. От одной мысли о новом доме над ней будто бы сгустились тёмные тучи. Она знала, что совсем скоро ей придётся вернуться в это странное старинное здание.

Семь кварталов пролетели мимо неё, не оставив в памяти никакого следа. Девочка остановилась у парадных дверей, слезла с велосипеда и задумчиво осмотрела фасад. Теперь somehow выглядел совсем не так, как год назад, когда она увидела его впервые. Грязно-серые стены побелили, а покосившиеся ставни заменили на новые. Рабочие даже перекрыли крышу. Но, несмотря на все эти изменения, дом по-прежнему выглядел зловеще.

Харпер уже собиралась войти внутрь, как вдруг что-то мелькнуло в дальнем правом окне второго этажа. Присмотревшись, она увидела большие тёмные глаза на призрачно-белом лице. Девочка моргнула, и таинственная фигура исчезла.

Это было окно Майкла.

Дурацкий дневник Харпер

Запись № 3

Я ненавижу:

1. Станный неестественный холод в этом доме
2. Странную невыносимую духоту в этом доме
3. Станные запахи в этом доме

Этот дом пугает меня. Мне кажется, что здесь я задыхаюсь. Понятия не имею, почему никто больше этого не чувствует.

Факт: на первом этаже есть только одно место, где я могу нормально дышать. Это холл.

Во всех остальных комнатах мне не по себе. Но хуже всего в столовой. В дальнем углу всегда ужасно холодно. Родители говорят, что там сквозняк, вызванный старой вентиляционной системой. Но по ощущениям это не похоже на обычный сквозняк. Воздух там холодный и какой-то липкий. Такое же чувство возникает, если после пробежки встать под кондиционер. Ты всё ещё горячий и потный, но при этом тебе ужасно холодно. Вот на что похоже то, что я чувствую в столовой. А ещё время от времени там появляется тошнотворный сладковатый запах мертвечины. Он едва уловим, но я его ненавижу.

Папа говорит, что в перекрытиях, вероятно, сдохла не одна дюжина крыс, и их трупы так и продолжают там гнить. На мой взгляд, это просто отвратительно.

Но наверху всё ещё хуже.

Мне повезло с комнатой. Там я чувствую себя в безопасности. Но иногда колокольчики на ручке моей двери звенят сами по себе. В такие минуты мне становится очень страшно. К счастью, это никогда не длится долго. А ещё там же, на ручке, висит ярко-красный тканевый мешочек, вышитый золотом.

Факт: обе эти вещицы мне подарила бабушка Ли, когда я была ещё совсем маленькой. Она привезла их из Кореи. Бабуля заставила меня пообещать, что я всегда буду вешать их на ручку двери своей комнаты, и обязательно с внутренней стороны.

Я ужасно по ней скучаю... С ней я всегда чувствовала себя любимой и нужной. Наверное, именно поэтому я продолжаю вешать колокольчики и мешочек на свою дверь. С ними мне всегда спокойнее. Чистая психология, ведь в самих этих вещах нет ничего особенного. Как-то я заглянула в мешочек. Никакой магии внутри не обнаружилось, только немного соли, странная волосатая веточка зелёного цвета, вроде бы это фенхель, и ещё несколько сосновых иголок. Только-то и всего.

Я помню, как бабушка учила меня делать национальные домашние пельмени – манду. Это моё любимое воспоминание о ней. Нам было так весело! Надо было обмазать кусочки теста яйцом и положить начинку из мяса и овощей. Я тогда очень сильно переборщила с начинкой, и тесто развалилось, когда бабуля обжаривала мои пельмени. Но всё равно получилось очень вкусно!

Жду не дождусь, когда наконец-то увижу бабушку Ли...

Тревога! Колокольчики снова ни с того ни с сего начали звенеть. Как будто кто-то пытается проникнуть в мою комнату, но не может пройти через дверь. Я не знаю, кто там. И если честно, не хочу знать.

Глава 4

Ссора за ужином

День 2. Вторник, вечер

– ПАП, А ТЫ ЗНАЛ, что в нашем доме водятся привидения? – спросила Харпер, накладывая в свою тарелку картофельное пюре.

Её старшая сестра закатила глаза.

– Понеслось, – протянула она. – Я уж было решила, что смогу завести здесь новых друзей, которые не узнают, что я живу вместе с поехавшей. Но ты снова взялась за свои истории!

– Это не мои истории, – возразила девочка. – Про привидений мне рассказала одна из соседок, моя новая подруга.

– Ну, значит, она тоже поехавшая.

– Замолчи, Келли! Не говори так о ней!

– Так, ну-ка обе замолчите! – вмешалась миссис Рейн, буквально швырнув салатницу на стол, отчего оттуда вылетели несколько кусочков помидора. Майкл поджал губы и молча смотрел в одну точку. – Я не потерплю такого поведения в нашем доме. И чепуху про привидений тоже не потерплю!

– Но это не чепуха! Вы вообще знаете, что вся округа обходит наш дом стороной и называет его особняком Грейди? Так звали его первого хозяина, который таинственно исчез, и никто больше его не видел... – Не успела Харпер договорить, как по её телу пробежала дрожь. Она снова почувствовала, словно за ней наблюдают. Казалось, дом ждал, что же ещё она скажет. – Ненавижу это место! Здесь всё такое...

– Я велела молчать! – закричала Юна, метнув в сторону младшей дочери острый как бритва взгляд.

Харпер вдруг почувствовала себя ужасно одинокой. Ссутулившись в кресле, она думала о том, как отличается от всех остальных членов своей семьи. Её охватила тоска по бабушке.

– Мы когда-нибудь снова увидим бабушку Ли?

Миссис Рейн тяжело вздохнула и пригладила волосы:

– Моя мать сейчас слишком занята. Да и мы, кстати, тоже. Но мы ходим к ней в гости, когда наконец обустроимся на новом месте.

– Бабушка слишком занята? Она не видела меня с тех пор, как мне исполнилось семь! Неужели она не может выкроить часок и заглянуть к нам на чай? – не унималась Харпер. Она заметила, что даже Келли с любопытством смотрит на маму в ожидании ответа. – Раньше я думала, что бабушка больше не хочет нас видеть, но на самом деле это ты не хочешь видеть её.

– Довольно! – Юна достигла точки кипения. Сама того не понимая, Харпер, похоже, перешла черту.

Из всех сил сжав губы, девочка ещё ниже опустила в кресле. Отец протянул руку, чтобы ободряюще погладить её плечо, но та отстранилась. Она слишком расстроилась, чтобы позволить себя утешать.

Келли нахмурилась, взяла пластиковые приборы и стала резать свой ростбиф. Но мясо никак не поддавалось. Она с силой нажала на нож, и тот треснул пополам.

– Чёртов пластик! Почему мы не можем пользоваться столовым серебром, как во всех нормальных семьях? – Она разгневанно уставилась на младшую сестру.

– А я-то тут при чём? – пробормотала Харпер.

– Ты всегда при чём! Мало того, что из-за тебя мы переехали в эту дыру, так ещё и порезать ничего нормально не можем! Ты просто...

– Келли! – на этот раз миссис Рейн не кричала, но её голос звучал так строго, что девушка тут же замолчала и устала в свою тарелку.

– В смысле «из-за меня»? – недоумевала её сестра. – Какое отношение я имею к тому, что родители решили открыть юридическую контору в Вашингтоне?

– Ты такая странная, что нам всем пришлось уехать из Нью-Йорка. Вот какое отношение ты к этому имеешь, – злобно прошипела Келли.

Питер звонко стукнул кулаком по столу:

– Девочки, хватит. Мы переехали исключительно из-за нашего нового бизнеса. Тема закрыта. Давайте успокоимся и поедим, пока ужин окончательно не остыл.

Мгновение спустя Юна уже расспрашивала старшую дочь о её онлайн-курсах и подготовке к экзаменам, словно ничего и не случилось. По щекам Харпер потекли слёзы, её переполняли обида и гнев. Она устала играть роль козла отпущения. Сестра спихнула на неё вину даже за дурацкие пластиковые приборы, хотя семья пользовалась ими из-за Майкла. Во всяком случае, это казалось самым разумным объяснением, хотя девочка и не помнила, когда именно они перешли на одноразовую посуду.

Да и какая разница?.. Мама никогда не злилась на Келли, а вот Харпер доставалось за любой проступок. Злость всё нарастала, и ей уже с огромным трудом удавалось сдерживать свои эмоции. Девочке хотелось вскочить из-за стола, швырнуть тарелкой в стену, кричать и выдирать свои непослушные кудрявые волосы. Она хотела увидеть, как строгое напряжённое лицо матери исказится от шока. Ей хотелось показать, насколько она рассержена. Но вместо этого Харпер лишь безразлично ковырялась вилкой в тарелке, не отправляя в рот ни единого кусочка.

– Харпер, если ты не собираешься есть, можешь выйти из-за стола, – спокойно произнесла мама, даже не глядя в её сторону.

Девочка изо всех сил прикусила губу и почувствовала во рту солоноватый привкус крови. Выскочив из-за стола, она соскоблила свой ужин в мусорное ведро, поставила тарелку в раковину и поднялась на второй этаж, громко топая ногами по ступеням.

Оказавшись в своей спальне, Харпер бросилась на кровать и стала колотить подушку, пока не выплеснула на неё всю свою ярость. По правде говоря, с ней и раньше случались подобные приступы. А начались они после несчастного случая. По крайней мере, так ей казалось.

В дверь постучали, и в комнату протиснулся папа с двумя креманками клубничного мороженого.

– Милая, ты в порядке?..

Девочка вяло поднялась с кровати и плюхнулась на пол. Отец уселся рядом и протянул ей одну из креманок.

– Пап, что же всё-таки произошло между бабушкой и мамой? Из-за чего они поссорились?

Отставив мороженое в сторону, мужчина обнял дочь за плечи.

– Видишь ли, твои мама и бабушка – гордые женщины. Они обе твёрдо уверены в правильности своих убеждений, – дипломатично объяснил он. – И когда их убеждения не совпадают, никто из них не может уступить.

– Неужели эти убеждения важнее семьи? – нахмурившись, спросила Харпер. – Взрослые иногда ведут себя хуже детей.

Питер рассмеялся:

– Это верно. Но мама понимает, что порой перегибает палку. Поверь, она работает над этим. И теперь, когда мы живём в одном городе с бабушкой, она хочет наладить с ней контакт.

Просто на своих условиях и тогда, когда она будет к этому готова. Давай не будем её торопить. Что скажешь, веснушка?

Харпер неохотно кивнула и быстро разделалась со своим мороженым. После ухода отца она так и осталась сидеть на полу. Ей казалось, будто она находится в беспросветной темноте, из которой нет никакого выхода.

Вдруг девочка уловила боковым зрением какое-то движение. Вскочив на ноги, она принялась озираться по сторонам, но в комнате, кроме неё, не было ни одной живой души, даже мухи. И всё же её не покидало ощущение, что она здесь не одна. Тихий шёпот... Или это просто шум ветра за окном? Харпер показалось, что кто-то зовёт её по имени. Она бросила взгляд на колокольчики в надежде, что это поможет ей успокоиться, и вдруг заметила, что дверь в комнату слегка приоткрыта. Захлопнув её, девочка опустилась на пол, прислонившись головой к деревянному косяку. Бабушкин красный мешочек нежно касался её щеки. Паника стихла, она снова чувствовала себя в безопасности.

Но спокойствие было недолгим. Мгновение спустя к Харпер вернулось прежнее чувство безысходности. Ей отчаянно хотелось хоть с кем-нибудь об этом поговорить. Она задумалась, не позвонить ли Джули, своему нью-йоркскому психотерапевту. Но чем она могла бы ей помочь?..

С глубоким вздохом девочка открыла свой дневник, но вскоре в висках вдруг запульсировала кровь, словно два отбойных молотка пытались разорвать череп изнутри. Вернулась мигрень. Из последних сил Харпер забралась на кровать и погрузилась в беспокойный сон.

Дурацкий дневник Харпер

Запись № 4

Я ненавижу:

1. Келли
2. Мигрень
3. Голубей

Я ужасно скучаю по Нью-Йорку: по шуму улиц, по любимым кафешкам, по всему, кроме голубей. На мой взгляд, это самые отвратительные существа на планете. Все настоящие нью-йоркцы считают их крылатыми крысами. Эти мерзкие птицы ничего не боятся! Однажды мне снился кошмар о том, как на меня напала стая голубей и выклевала мне глаза.

Кстати, о кошмарах. Я уже писала о них, но теперь они вышли на новый уровень. Прошлой ночью я видела во сне что-то такое, что до сих пор не могу объяснить. Думаю, из этого получился бы шикарный ужастик.

Факт или не факт? Воспоминание или просто сон?

Мне снилось, что я сижу в уродливой маленькой комнате с убогими жёлтыми стенами. Я никогда раньше не бывала там. Или бывала, но просто этого не помню... Видимо, я нахожусь в больничной палате, во всяком случае, пахнет там именно так, как во всех больницах. Из мебели там стоят лишь маленькая тумбочка и кровать. Дверь заперта. А на стене большое окно, закрытое железной решёткой. Но мне совсем не хочется подойти к нему и выглянуть наружу, потому что верхнюю половину прутьев покрывает птичий помёт. Кровать застелена грубым белым постельным бельём, холодным и неприятным, как наждачка. Единственная вещь в комнате, которая не вызывает у меня тошноты, – коричневое шерстяное одеяло, которое я притащила с собой из дома. Я закутываюсь в него и прижимаюсь к жёлтой стене.

Мне ничего не остаётся, кроме как смотреть на зеленовато-белёсые подтёки помёта. Должно быть, сотни голубей сидят прямо над моим окном. На улице ночь, и я вижу, как в лун-

ном свете мелькают тени птиц. Они воркуют и громко хлопают крыльями. Эти мерзкие твари насмеются надо мной, потому что они свободны, а я сижу за решёткой.

За решёткой... Как в тюрьме. Какая ирония, должно быть, они думают: «Надо посмотреть на человека в клетке. Она сидит там, взаперти, пока мы летаем где хотим и гадим на её окно». Дурацкие птицы.

А ведь со мной и правда обращаются как с заключённым. У меня отобрали всё, что я привезла с собой из дома, – книги, игры и даже любимое печенье в шоколадной глазури.

Факт: я обожаю печенье в шоколадной глазури.

Мне говорят, что всё это для моей же безопасности. Но я не понимаю, чем может быть опасно тесто в шоколаде. Может, они думают, что я засуну его себе в нос?

Но это не важно. Я всё равно не стала бы их есть. Я не чувствую голода. Я не чувствую вообще ничего, кроме страха.

Факт: у страха есть вкус. И это вкус крови.

Внезапно голуби за окном затихают. И пусть их возня выводила меня из себя, я чувствую, что это плохой знак. В этой странной маленькой палате вдруг стало так холодно, что я не чувствую пальцев ног.

В моей комнате кто-то есть.

И мне так страшно, что я не могу дышать.

Глава 5

Оправданные опасения

День 3. Среда, утро

ХАРПЕР С ОТВРАЩЕНИЕМ отбросила в сторону свой дневник. Она больше не хотела думать о кошмарах. Лишь от одной мысли о них девочку охватывал страх. Ей казалось, что она снова находится в той ужасной тёмной больничной палате и кругом стоит глухая ночь, хотя в окно её комнаты били яркие лучи солнца.

Она с раздражением посмотрела на картонные коробки. Там до сих пор лежала большая часть её вещей, но Харпер и не думала их разбирать. После беспокойных снов она всегда чувствовала себя вялой и мечтала лишь о том, чтобы зарыться с головой под одеяло и пролежать так весь день.

На тумбочке у кровати стояла кружка с водой, а в ней – срезанный розовый пион. Должно быть, мама принесла его в знак примирения, пока она ещё спала. Харпер просто обожала пионы. Единственным, что нравилось ей в новом доме, был огромный куст этих ярких сладко пахнущих цветов, который рос на заднем дворе.

Девочка улыбнулась, чувствуя, как гаснут остатки её вчерашнего гнева.

Ей больше не хотелось писать, так что она вышла в коридор и направилась в комнату брата.

Вчерашние рабочие справились со своей задачей: центральная система кондиционирования наконец-то заработала, и в особняке стояла приятная прохлада. Но из спальни Майкла сквозило всё тем же странным липким холодом. Харпер в нерешительности остановилась возле его двери. Она сделала глубокий вдох и, стряхнув с себя приступ безотчётного страха, вошла внутрь. Мальчик сидел посреди комнаты и пустым взглядом смотрел в одну точку. Сестра опустилась на колени прямо перед ним, но он, казалось, даже не заметил её присутствия.

– Майкл! Майкл, очнись! – Она схватила ребёнка за плечи и принялась трясти его, пока тот не пришёл в себя.

Он моргнул и осмысленно посмотрел на Харпер.

– Что это ты делаешь?

Девочка улыбнулась и обняла брата:

– Ты очень меня испугал. Чем ты здесь занимаешься?

Он не ответил и лишь рассеянно огляделся по сторонам.

– Ты спугнула Билли, – разочарованно произнёс ребёнок. – А ведь он собирался открыть мне свою тайну.

– Какую ещё тайну?

– Он сказал, что проникнет в мою голову и покажет свои воспоминания, – объяснил Майкл. – Но ты ему помешала. И теперь я не узнаю секрет Билли.

Его сестру вдруг охватило пугающее чувство дежавю. В её голове звучал смутно знакомый голос: «Хочешь, я поделюсь с тобой одной тайной, Харпер? Простопусти меня в свою голову! Наша дружба от этого станет ещё крепче».

Сжав мальчика в своих объятиях, она прошептала ему на ухо:

– Майкл, прошу, обещай мне, что ты больше никогда на это не согласишься. Обещай мне это прямо сейчас.

– Но почему? – с нескрываемым любопытством поинтересовался ребёнок.

– Потому что это плохо, очень-очень плохо, – проникновенно ответила девочка. – Не выпускай Билли в свою голову. Никогда. Обещаешь?

Отвернувшись, малыш потянулся за одной из своих машинок и стал катать её по ковру.

– Ладно, обещаю, – немного подумав, согласился он. – Тем более что мне и самому это не понравилось. Макушка до сих пор болит!

После его слов в комнате вдруг стало ещё холоднее. Харпер поёжилась.

– Почему здесь такой дубак? – спросила она, стараясь не стучать зубами.

Майкл удивлённо поднял на неё глаза:

– Дубак? Мне тепло. А ты что, замёрзла?

Девочка неуверенно пожала плечами, гадая, уж не заболела ли она. Может, её знобит от простуды?..

– Пойдём в парк? – предложила она, решив, что им нужно немного прогуляться.

Но мальчик явно колебался. Он задумчиво оглядел комнату, а затем всё же кивнул в знак согласия. Взявшись за руки, они вышли из дома. И после необъяснимого холода в комнате брата Харпер по-настоящему наслаждалась палящим полуденным зноем.

День 3. Среда, вечер

Дети провели на улице практически весь день. Они даже попытались уговорить отца отвезти их в кино, но тот не согласился. Так что Харпер с братом засели в гостиной перед телевизором.

Когда на вечернем небе уже начали появляться первые звёзды, Майкл зевнул и потёр кулачками глаза.

– Харпер, я хочу спать, – протянул он.

– Эй, а давай ты переночуешь у меня? Устроим что-то вроде похода, только под крышей, – предложила девочка. Ей не хотелось, чтобы брат возвращался в свою странную холодную спальню.

– Класс... Но у тебя же коробки по всему полу, – ответил малыш. – А давай тогда сделаем поход у меня?

– Знаешь, что я придумала? Мы можем спать прямо здесь. Это будет новое место для нас обоих, ведь так? Притащим к телику спальные мешки и заснём под какой-нибудь фильм, – улыбнулась Харпер.

– Не сегодня, Веснушка, – послышался из столовой голос отца. – Мы с мамой собирались доделать кое-что в гостиной, когда вы ляжете. Нет конца этому ремонту!

Майкл слез с дивана и поплёлся к лестнице.

– Не грусти, Харпер, – сказал он, сладко зевая. – Сделаем поход в другой раз.

Девочка пошла вслед за братом, помогла ему умыться и переодела в пижаму. Уложив малыша, она села на краешек его кровати, чтобы рассказать сказку, но никак не могла придумать, с чего начать. Эта комната нервировала её, заставляя снова и снова оборачиваться в поисках чего-то... Харпер и сама не знала чего. Так что она пожелала мальчику сладких снов и поспешила удалиться, гадая, как ему вообще удаётся уснуть в таком неприятном месте. Девочка в замешательстве остановилась у лестницы и оперлась на перила, размышляя, как же ей поступить. Разумеется, она не могла рассказать родителям про Билли и свои опасения, связанные с ним. Мама начнёт переживать, впадёт в истерику, и Майклу лучше от этого точно не станет. Но оставить всё как есть она тоже не могла. Харпер прижала прохладную руку ко лбу: мысли носились в голове, разрывая её изнутри. На подходе явно был ещё один приступ мигрени. Она уже начала спускаться по лестнице, чтобы попросить маму пополнить её таблетницу, как вдруг откуда-то из тёмного коридора послышался едва различимый шёпот.

Кто-то звал её по имени. Шёпот перерос в громкое шипение, а затем в крик.

Но девочка не успела осмыслить то, что случилось – какая-то неведомая сила толкнула её в спину. Падая, она размахивала руками, отчаянно пытаясь ухватиться за перила. Но не вышло. Харпер кубарем скатилась вниз. К счастью, прежде чем достичь поворота лестницы, где она неизбежно врезалась бы в стену, девочка вдруг остановилась. Трясущимися руками она вцепилась в деревянные балясины и осмотрелась, пытаясь понять, что же помогло ей затормозить. Но ступенька, на которой она лежала, ничем не отличалась от всех остальных.

Потирая многочисленные ушибы, Харпер пыталась разобраться, что же всё-таки с ней произошло. Она могла поклясться, что за секунду до падения почувствовала на спине прикосновение двух ладоней. Но как это вышло? Она ведь видела, что в коридоре никого не было! И что могло её остановить? Неужели она сходит с ума?.. Оставшись лежать на боку, девочка стала по очереди двигать разными частями тела. Она хотела оценить масштаб повреждений. И тут к ней подбежали взволнованные родители.

– Милая, что случилось? – Отец присел перед ней на колени и начал бережно осматривать её, спрашивая, где болит, как болит и насколько сильно болит по десятибалльной шкале.

Мама действовала куда менее осмысленно. Она мёртвой хваткой вцепилась в руку дочери и в панике кричала:

– Харпер! Харпер! Ты цела? Ты жива? Говори со мной, милая! Ты можешь говорить? Ты помнишь, кто я? – затем она с горящими глазами повернулась к мужу и заверещала: – Я же говорила! Я же говорила тебе, что эта чёртова лестница слишком скользкая! Наша девочка могла свернуть себе шею!

На площадке второго этажа появилась Келли. Она встревоженно ахнула и прижала ладонь к губам.

– Пап, с ней же всё в порядке?

Харпер всё ещё находилась в шоке от произошедшего. Всё, что она могла ответить на вопросы родных, было:

– У меня болит... всё...

Старшая сестра спустилась к ней и присела рядом.

– Это всё из-за того, что ты в носках, – со знанием дела заключила она. – Харпер, здесь обязательно нужно носить тапочки. Или ходи босиком, как я. Деревянные ступеньки всегда очень скользкие, а на этих ко всему прочему только-только обновили лак.

– Питер, я же говорила тебе, что надо поставить эти... Как же их... Противоскользкие профили! – не унималась миссис Рейн.

Отец кивнул:

– Завтра же этим займусь. – Он ободряюще улыбнулся младшей дочери. – Что ж, у меня для тебя хорошая новость: ты ничего не сломала. Но есть и плохая – в ближайшие несколько дней ты будешь чувствовать себя просто ужасно.

Харпер поморщилась от его наигранной жизнерадостности. Она ненавидела, когда папа притворялся, будто ничего и не случилось. Келли тоже нашла чем вывести её из себя. Узнав, что жизни сестры ничего не угрожает, девушка тут же скрылась в своей спальне.

Помогая дочери подняться, Юна причитала над синяками, которые уже начали появляться на её руках и ногах.

– А вдруг всё куда серьезнее, чем нам кажется? Может, нам всё же стоит отвезти её в травматологию? – спросила мужа миссис Рейн.

– Нет! – запротестовала Харпер. – Я не хочу в больницу! Ни за что!

Папа легонько похлопал её по спине.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – спокойно ответил он. – Главное, обошлось без переломов, а синяки пройдут. Повезло, что ты не врезалась в стену на повороте или не скатилась до самого низа.

Крепко придерживая дочь за талию, он медленно повёл её вниз, на первый этаж. А Юна побежала вперёд них, бросив через плечо:

– Пойду принесу лёд и ибупрофен.

Ковыляя по ступеням, Харпер бросила взгляд на верхнюю площадку лестницы. Никого. Несмотря на весь этот шум и суматоху, Майкл так и не вышел из своей комнаты.

Дурацкий дневник Харпер

Запись № 5

Я ненавижу:

1. Свою неуклюжесть

Факт: я получила больше переломов и травм, чем любой другой ребёнок, которого я знаю.

Сестра говорит, что я как магнит для всяких неприятностей, видимо, у меня плохая карма. Что бы это ни значило... Вроде как это мудрёный способ сказать, что я невезучая. И это правда. Кто ещё может приехать в больницу практически здоровым, а уехать оттуда с кучей переломов?

Факт: всю жизнь со мной случаются какие-то беды.

Когда мне было пять, я бегала в парке и растянула лодыжку. В шесть я споткнулась, упала лицом вниз и выбила два передних зуба. Повезло ещё, что они были молочными. В семь лет я пинала свежий снежок и смотрела, как он красиво искрится в воздухе. Но в сугробе оказался кирпич, и я сломала три пальца на ноге. В том же году я упала с велосипеда и мне пришлось наложить на голову несколько швов. В восемь упала с дерева – вывих ключицы. Кто бы знал, что такое вообще бывает! В девять на меня рухнула полка с книгами в школьной библиотеке – сотрясение мозга. Тогда я в первый раз потеряла сознание. В первый, но далеко не в последний. Когда мне было десять, я вывихнула запястье во время неудачного падения. А в одиннадцать... Ну, я уже столько раз об этом писала, что не хочу повторять.

Дети из моей школы прозвали меня Ходячей Катастрофой. Они боялись общаться со мной и убегали от меня на переменах, как будто невезением и неуклюжестью можно заразиться. А может, от меня и правда лучше держаться подальше...

Глава 6

Что-то злое

День 4. Четверг, утро

ХАРПЕР СНОВА ОКАЗАЛАСЬ во вчерашнем кошмаре. Она понимала, что спит, ведь вместо своей комнаты она вновь лежала в той странной больничной палате с решёткой на окне. Но на этот раз в комнату не проникал свет луны, и от этого в ней было совсем темно.

Неужели она в Брайерли? Тогда понятно, к чему здесь эта решётка. И значит, это не просто сон, а одно из утраченных ею воспоминаний! Уже второе, из другой ночи, которая, кстати, отличалась не только отсутствием луны. Птицы тоже куда-то пропали. Из-за окна не доносилось ни единого звука. Но куда же они могли подеваться?..

Внезапно в палате стало невыносимо холодно, и девочку охватил ужас. Она чувствовала, что здесь есть кто-то, кроме неё, но боялась узнать кто. Свернувшись в тугой клубок, она с головой укрылась одеялом и прижала лицо к коленям. Источник ледящего холода приблизился, и тело Харпер пробрало дрожь. Она решила, что ни за что не откроет глаза и не вылезет из-под одеяла. Может, тогда этот кто-то просто уйдёт?

Но этот кто-то не ушёл. Раздался жуткий клокоцущий шёпот, и девочка заползла под подушку, чтобы хоть как-то его заглушить. Но ничего не получилось. Она захныкала, а слова пугающего ночного гостя слышались всё отчётливее, словно они звучали прямо в её голове: «Плохая девчонка, ужасная девчонка. Только посмотри, что ты наделала! Плохая девчонка, ужасная девчонка. Тебя никогда не отпустят домой».

Ледяной холод пробирал Харпер до костей. Она знала, что кто-то очень опасный стоит прямо перед её кроватью. Зажмурившись изо всех сил, она посильнее натянула одеяло, как вдруг его силой вырвали из её рук.

Девочка резко проснулась и в панике вцепилась в своё одеяло. Никто не забирал его, а вместо омерзительных жёлтых стен перед ней стояла груда нераспакованных коробок. Её всё ещё колотило от страха. Теперь она не сомневалась, что видела во сне Брайерли: решётки, кровать, тумбочка, запертая дверь... Но этот жуткий шёпот и навязчивое ощущение, словно кто-то стоит рядом – было ли это на самом деле или её мозг дополнил действительность событиями вчерашнего дня?

Мысли о недавнем падении с лестницы нахлынули на Харпер вместе с болью. Казалось, на её теле не осталось ни одного участка без синяка. Она хотела бы остаться в кровати, но чувство голода пересилило и заставило её спуститься вниз.

Майкл уже сидел за кухонным столом, а мама сутилась вокруг, разбирая коробку с кастрюлями. Увидев дочь, она бросилась к ней и вновь принялась охать над её синяками.

– Больно, конечно, но я в норме, – отмахнулась от неё девочка и уселась рядом с братом.

С озабоченным видом мама поставила перед ней поджаренную вафлю с кленовым сиропом и тарелку с нарезанными фруктами.

– Скажи, если захочешь что-нибудь ещё, ладно? – произнесла она и вернулась к кастрюлям.

Харпер неспешно завтракала, наблюдая, как Майкл засыпает над миской с хлопьями.

– Эй, – рассмеялась она, легонько ткнув его локтем. – Просыпайся, не то утонешь в своём молоке!

Майкл открыл глаза, но они казались усталыми и словно остекленевшими.

– Что с тобой, дружище? – обеспокоенно спросила девочка. Ей ещё не случалось видеть тёмные круги под глазами у маленьких детей.

– Всё хорошо, отстань от меня, – раздражительно ответил малыш.

Теперь Харпер встревожилась не на шутку. Она ласково приложила ладонь ко лбу мальчика.

– Ты не заболел?

– Да отстань ты уже от меня! – Майкл стукнул ложкой по столу и ушёл, оставив полную тарелку хлопьев, к которым, судя по всему, он так и не притронулся.

Харпер растерянно ковыряла свою вафлю. На её памяти брат никогда ещё не вёл себя так грубо. Продолжая расставлять кастрюли, миссис Рейн повернулась к дочери:

– Он просто не выспался, вот и капризничает.

Наспех запихнув в себя завтрак, девочка поковыляла вверх в комнату Майкла, чтобы проверить, как он, и ещё в коридоре услышала его голос. Прижавшись ухом к его двери, Харпер прислушалась.

– Билли, хватит! Не делай так, мне это не нравится, – хныкал Майкл. – Меня сейчас стошнит...

Какое-то время в спальне было тихо, а затем снова послышался тот же голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.